

Они как раз наткнулись на учителя и ученицу из секты Даншэн — Даоса Фэйцзюэ и его ученика Хуа Цюя, которые собирали здесь редкие целебные травы. Даос Фэйцзюэ, старик с белыми волосами и детским лицом, при виде Жун Юэ загорелся алчным блеском в глазах. В его представлении Жун Юэ был не человеком, а живым, редким духовным лекарством. Даос приблизился к нему и принялся разглядывать, словно добычу, при этом непрерывно цокая языком:

— Превосходное лекарство! Превосходное! Редкость, великая редкость!

Жун Юэ, почувствовав неладное, насторожился:

— Что ты на меня так смотришь? К чему эта физиономия, будто ты собрался меня сожрать?

— Сожрать — не совсем верно, скорее, употребить тебя по назначению! — Даос Фэйцзюэ схватил Жун Юэ за запястье. Тот отчаянно забился, но не смог тягаться с культиватором более высокого уровня и взмолился:

— Второй дядя, я не могу его одолеть, спаси меня!

— Я тоже не могу! — отозвался Сюань Лун. Хотя он и носил титул Цзюня Бессмертных, его сила уступала остальным Цзюням, не говоря уже о Даосе, чей уровень культивации был выше. В кругах Бессмертных за ним закрепилось прозвище Цзюнь-неудачник, но Сюань Луну было на это наплевать. Он продолжал вести праздную, веселую и беззаботную жизнь, потакая лишь собственным желаниям.

— Ты посмеешь меня тронуть? Я единственный ученик Бессмертной Пань Юй с Острова Фуин! Если мой учитель разозлится, то и десяти сект Даншэн мало не покажется! — предпринял последнюю попытку запугивания Жун Юэ.

Однако едва он закончил фразу, Даос Фэйцзюэ засунул его в мешочек для артефактов. Вид безумного старика стал пугающе диким, и он, ни на кого не оглядываясь, поспешил обратно в секту Даншэн.

Оставшийся на месте Хуа Цюй с досадой покачал головой. Сначала он отвесил поклон Сюань Луну, а затем произнес:

— Цзюнь Бессмертных Сюань Лун, мой учитель болен, он одержим алхимией, поэтому и похитил Жун Юэ, обладающего телом духовной сущности. Я приношу извинения за его поступок и надеюсь, что вы вернетесь на Остров Фуин и попросите о помощи, иначе я боюсь, что Жун Юэ переплавят в пилюлю, и тогда даже я буду бессилён.

Сказав это, Хуа Цюй поспешно удалился, догоняя своего учителя. Сюань Лун, не теряя ни минуты, вернулся на Остров Фуин, чтобы доложить обо всем Бессмертной Пань Юй и Даосу Ячи. Оба пришли в ярость. Переглянувшись, они в один голос заявили:

— Никто не смеет обижать людей с Острова Фуин!

Объединившись против общего врага, они приготовились отправиться в секту Даншэн за Жун Юэ. Перед отлетом Даос Ячи не преминул подколоть Пань Юй:

— Пань Юй, твой ученик — та еще заноза, каждые несколько дней влипает в неприятности. Ты как мать ему, вечно бегаешь и расхлебываешь его дела. Мои ученики куда спокойнее, бед не навлекают. Но сегодня Фэйцзюэ зашел слишком далеко, посмел задеть нас, Остров Фуин. Придется мне подлить масла в огонь и дать отпор, чтобы Фэйцзюэ знал, с кем связался!

— Масла подливать не надо, ты главное — не усугубляй ситуацию, Ячи. Я и сама справлюсь. Когда я уже была известна, Фэйцзюэ еще даже не родился, — усмехнулась Бессмертная Пань Юй, ничуть не уступая в решимости.

Весть разнеслась быстро, и Сюань Ли узнал, что Жун Юэ похитили, чтобы переплавить в пилюлю. Он на мгновение растерялся, а стоящая рядом Сюань Лин забеспокоилась еще сильнее:

— Брат, иди спаси брата Жун Юэ, я боюсь, с ним что-то случится!

— Учитель и Бессмертная Пань Юй уже отправились туда, Жун Юэ обязательно вернется целым и невредимым, Лин-эр, успокойся, — Сюань Ли погладил Сюань Лин по голове, стараясь ее утешить.

— Брат, ты хочешь остаться в стороне? Ты не переживаешь за брата Жун Юэ? Он ведь отправился собирать травы ради тебя, все твои пилюли для успокоения духа сделаны из трав, что принес он. Он не только научился виноделию, но и освоил врачевание — он наверняка больше всего ждет, что его спасешь именно ты! — выпалила Сюань Лин и, случайно выдав тайну Жун Юэ о травах, испуганно прикрыла рот рукой. Она ведь обещала хранить этот секрет.

— Это... когда началось?

Сюань Лин украдкой взглянула на выражение лица Сюань Ли и робко ответила:

— Уже лет пятьдесят, не помню, с каких пор.

— Хм, — тихо отозвался Сюань Ли. Он слегка прикрыл глаза, чувствуя, как внутри все заполнилось чем-то новым. Эмоции стали невесомыми, а прошлое пронеслось перед глазами, словно череда картин.

— Лин-эр, я скоро вернусь.

Через мгновение Сюань Ли взмыл в воздух и понесся прочь, ведомый ветром. Даос Ячи и Бессмертная Пань Юй улетели раньше, и, казалось бы, ему не о чем было волноваться, но слова Сюань Лин всколыхнули в его душе бурю эмоций, подобную океанским волнам в шторм.

Сюань Ли подумал про себя: Жун Юэ, что мне сказать? Ты ни на миг не даешь покоя, за тебя

переживает не только Сюань Лин, но даже я...

Впрочем, эти чувства были легкими и едва уловимыми, как дуновение ветра, не оставляющее следа.

В это время в секте Даншэн Жун Юэ, о котором все так беспокоились, поначалу даже был окружен заботой: Хуа Цюй кормил и поил его на славу. Даос Фэйцзюэ считал алхимию величайшим делом и подготовил все необходимое для процесса. Сначала он был впечатлен телом духовной сущности Жун Юэ, которое встречается раз в тысячу лет, но позже решил, что от него слишком сильно пахнет мирской суетой, и приказал ученику очистить его. Жун Юэ не мог выйти из магического барьера, установленного Даосом, поэтому оставалось только подчиниться. Во время купания он так оживленно болтал с Хуа Цюем, стоящим за ширмой, что почти забыл о своей участи.

— Жун Юэ, у тебя на Острове Фуин жизнь такая легкая, каждый день что-то интересное, — с теплой улыбкой заметил Хуа Цюй.

— Это точно, каждый день подкалываю Сюань Ли, очень весело.

Жун Юэ вдруг вздрогнул, вспомнив, что его собираются переплавить, и сник:

— Хуа Цюй, твой учитель — просто уникам. Как можно переплавить живого человека в пиллюлю? Ты такой хороший,пусти меня, а?

— Странности моего учителя — дело не одного дня. Барьер, который он создал, слишком сложен, я пока не могу его снять, могу лишь составить тебе компанию и поговорить, чтобы хоть немного успокоить. Не волнуйся, твой второй дядя уже сообщил на Остров Фуин, они скоро придут. Учитель сейчас движим импульсом, он заперт в своих заблуждениях, но ради будущего секты Даншэн мы не станем враждовать с островом. Не печалься, — подробно объяснил Хуа Цюй, отчего Жун Юэ заметно приободрился.

— Почему ты раньше не сказал? Я тут чуть не поседел от страха, — Жун Юэ похлопал себя по груди, делая вид, что успокаивается.

— Мы так увлеклись беседой, что я забыл, — рассмеялся Хуа Цюй.

— Я-то думал, меня сейчас помогут и сварят, — Жун Юэ выбрался из ванны, оделся, но все еще выглядел подавленным.

— Ха-ха, Жун Юэ, ты такой забавный.

— Не забавный, просто смеюсь над собственной бедой.

Внезапно Хуа Цюй поднялся: снаружи слышались шаги. Вошел разъяренный Даос Фэйцзюэ, схватил Жун Юэ и потащил его за собой:

— Кто-то посмел прийти за тобой! Я ни за что тебя не отдам, лучше уничтожу!

Он швырнул Жун Юэ в железную клетку в водяной темнице, а уходя, наказал Хуа Цюю:

— Охраняй пещеру! Никого не впускать!

— Учитель! — вскрикнул Хуа Цюй, видя безумие наставника, но тот не слушал.

Даос стремительно вылетел к воротам секты, где его уже ждали Бессмертная Пань Юй и Даос Ячи — двоих было вполне достаточно. Ослепленный жаждой алхимического успеха, Фэйцзюэ не признавал никого, даже тех, кто был сильнее него, и готов был поставить на кон все. Его безумие было столь яростным, что он буквально сжигал свою внутреннюю сущность, вызывая опасение даже у Бессмертной Пань Юй.

Пока Даос Фэйцзюэ и Пань Юй сражались у ворот, Даос Ячи наблюдал за схваткой со стороны, выжидая удобного момента для внезапной атаки.

Жун Юэ в клетке, будучи связанным со стихией воды, чувствовал себя вполне сносно, но его до смерти перепугали водяные змеи, плававшие в темнице. «Только бы не кусали!» — молил он про себя. Змеи, полные духовной силы, извивались вокруг, то и дело принимая жуткий вид. Для Жун Юэ, который привык к спокойствию Болота Духовного Моря, где, кроме него, почти не было живых существ, это было страшнее самого Фэйцзюэ.

Пока Жун Юэ в клетке боролся со страхом перед змеями, снаружи развернулась другая схватка. Хуа Цюй расхаживал у пещеры, обдумывая, как спасти секту от кризиса — ведь против его учителя выступили сильнейшие Бессмертные. В этот момент из воздуха возник прекрасный юноша в серо-белых одеждах ученика Острова Фуин и, не говоря ни слова, атаковал Хуа Цюя, явно пытаясь прорваться внутрь. Хуа Цюй с трудом парировал удары, понимая, что противник обладает силой, близкой к уровню Цзюня.

Глядя на холодное и решительное лицо противника, Хуа Цюй вспомнил, о ком рассказывал Жун Юэ. Скрестив руки, он проговорил:

— Ты Сюань Ли?

— Жун Юэ внутри. Учитель поставил барьер, остальные могут входить, но Жун Юэ заперт. Если хочешь спасти его, действуй со мной заодно, — коротко бросил Сюань Ли, не вдаваясь в объяснения.

Сюань Ли перестал атаковать, убрал враждебный взгляд и наложил магию на барьер, укрепив его, после чего произнес:

— Древняя техника слияния духов. Даос Фэйцзюэ не поскупился.

Хуа Цюй коснулся носа и слегка улыбнулся: он не ожидал, что Сюань Ли так быстро раскусит барьер учителя.

— Как ты это снимешь?

— Барьер привязан к Жун Юэ, нужно просто снять его. Где он? — Сюань Ли оставался бесстрастным, но в глубине его глаз читалась тревога, которую Хуа Цюй отчетливо уловил.

Хуа Цюй повел Сюань Ли вглубь пещеры, приговаривая:

— Учитель запер его в клетке в водяной части пещеры. Я не смею использовать магию, боясь выдать себя, но, наконец, дождался тебя. Жун Юэ постоянно твердил о тебе, и вправду — лучше один раз увидеть.

— Ученик восстал против Даоса Фэйцзюэ, боюсь, учитель будет в ярости.

— Он то в сознании, то безумен, я привык. Но ради секты Даншэн я не могу и не буду враждовать с вами, жителями Острова Фуин, — Хуа Цюй четко осознавал: даже если учитель сходит с ума, он обязан сохранить секту.

— Ты — единственный здравомыслящий человек в секте Даншэн.

Хуа Цюй усмехнулся:

— Скорее, я просто знаю, когда нужно уступить силе.

Его благоразумие и то, что он не причинил вреда Жун Юэ, вызвали у Сюань Ли симпатию. У водяной темницы Сюань Ли, следуя указаниям Хуа Цюя, разрушил магическую печать, проглотил пилюлю для успокоения и нырнул в воду. Вытащив Жун Юэ, который был без сознания, он даже не намок. Держа на руках промокшего Жун Юэ, Сюань Ли спросил:

— Что с ним в темнице?

— Должно быть, просто потерял сознание. Он — духовная сущность воды и дерева, утонуть не мог. Почему он отключился? — Хуа Цюй был в недоумении.

— Что в воде?

— Водяные змеи.

— Должно быть, он... испугался до обморока.

Сюань Ли сказал это настолько серьезно, что Хуа Цюй не сдержался и прикрыл рот рукой, чтобы скрыть смехок: подумать только, дух воды и дерева, проживший столько лет в Болоте Духовного Моря, боится змей!

Сюань Ли быстро снял массив слияния духов с Жун Юэ, и одежда того высохла, но он не приходил в себя. Сюань Ли ущипнул его за щеку и пробормотал:

— В следующий раз я не позволю тебе потеряться.

Сюань Ли собрался уходить, и Хуа Цюй сказал:

— Ударь меня, чтобы я мог оправдаться перед учителем.

— Это неразумно, секта Даншэн и Остров Фуин станут врагами еще больше.

— Ты ведь остаешься должен мне за это?

— Чего ты хочешь?

— Чтобы секта Даншэн не враждовала с Островом Фуин. Хотя бы тысячу лет мира. И еще... будь к нему добрее, он действительно не может без тебя, — Хуа Цюй слегка улыбнулся, кивнув на спящего Жун Юэ.

Сюань Ли едва заметно кивнул, не став бить Хуа Цюя, и покинул пещеру.

Тем временем Бессмертная Пань Юй, почувствовав присутствие Жун Юэ, прекратила сдерживаться. Объединившись с Даосом Ячи, они отбросили Фэйцзюэ и чуть не разрушили ворота секты Даншэн. Секта была серьезно ослаблена, а Даос Фэйцзюэ впал в кому на сотню лет. Впрочем, между сектой Даншэн и Островом Фуин установились мирные отношения, а Сюань Ли с Хуа Цюем стали добрыми друзьями.

Вернувшись на остров, Сюань Ли отнес Жун Юэ в его покои. Вскоре прибыли Пань Юй и Ячи. Сюань Ли первым делом доложил старшим о случившемся. Пань Юй высоко оценила его самостоятельность: хотя это было ее дело, Сюань Ли взял инициативу в свои руки. Она ничуть не обиделась, наоборот — похвалила его за отвагу и ум. А вот Даос Ячи остался недоволен, ведь Сюань Ли не следовало вмешиваться в эту опасную затею, но ничего не сказал и позволил ему уйти.

Тем временем Жун Юэ очнулся. Вспомнив, как позорно потерял сознание от страха перед змеями, он спрятался под одеялом и отказывался выходить. Сюань Лин пришла его проведать, но он не пустил ее. Сюань Лин села на край кровати и рассмеялась:

— Брат Жун Юэ, это пустяки. Даже если все узнают, это не убавит твоего очарования и благородства.

— Самое позорное — что твой брат видел, как я упал в обморок! Я не хочу больше жить! — Жун Юэ упрямылся, как ребенок.

Сюань Лин прикрыла рот, чтобы не рассмеяться:

— Брат не станет смеяться. Ты боишься змей, он боится воды — вы оба странные, никто не будет поднимать эту тему, обещаю!

Наконец Жун Юэ показался из-под одеяла, хлопая глазами:

— Правда?

Сюань Лин серьезно кивнула:

— Брат Жун Юэ, когда ты улыбаешься, это так красиво. Лин-эр больше всего любит твою улыбку.

Она вдруг подалась вперед, нежно коснулась его бровей и ресниц, а затем провела пальцем по его гладкой щеке, словно по воде. В этот миг Сюань Лин поняла, что влюблена.

— Брат Жун Юэ, Лин-эр любит не только твою улыбку. Я люблю тебя.

— Лин... Лин-эр?

— Брат Жун Юэ, ты не знаешь... когда тебя похитили, я так испугалась. Мое сердце словно оборвалось, я поняла, что не могу тебя потерять. — Глаза Сюань Лин сияли, эмоции переполняли ее. Она сжала руку Жун Юэ, признаваясь в своих чувствах.

Жун Юэ лежал на боку, коснулся своего лба, потом лба Сюань Лин и пробормотал:

— Лин-эр, это я болен или ты? Что ты такое говоришь? Если бы похитили тебя, я бы тоже переживал. Что с тобой?

Сюань Лин внезапно обняла его за шею:

— Я не больна. Если это и болезнь, то болезнь тоски. Я... я вдруг поняла, что очень люблю тебя, брат Жун Юэ. Очень-очень сильно.

— Лин-эр, я ведь для тебя как брат, я тоже тебя люблю, но это любовь брата к сестре. Любовь — чувство на всю жизнь, со временем ты встретишь того, с кем захочешь провести остаток дней, — в растерянности ответил Жун Юэ.

Он добавил:

— Лин-эр, не говори так, ладно? Я и сам еще ничего не понял, кругом сплошной хаос, я не могу тебя обманывать. Посмотри на меня, я такой несерьезный, разве я достоин твоей любви?

Жун Юэ похлопал ее по спине, стараясь сохранять спокойствие. Он ощущал неловкость от такой близости — не из неприязни к Сюань Лин, просто понимал, что между ними нет того самого чувства, что бывает между мужчиной и женщиной.

— Брат Жун Юэ — лучший человек на свете. Лин-эр не просит тебя ответить взаимностью прямо сейчас, но неужели нельзя даже просто любить тебя? — тихо прошептала она.

— Это... — Жун Юэ замялся, его взгляд забегал по комнате.

Сюань Лин спросила:

— Брат Жун Юэ, неужели ты любишь... моего брата?

Жун Юэ опешил, почесал затылок и рассмеялся:

— Что за глупости? Мы ведь оба мужчины!

Сюань Лин:

— Тогда почему ты звал моего брата во сне, когда спал?

— Я? Не помню такого! — Жун Юэ поспешил откеститься.

Сюань Лин:

— Брат Жун Юэ...

Отвергнутая Сюань Лин, закрыв лицо руками, с плачем выбежала из покоев. Жун Юэ, мучимый совестью, попытался вскочить с кровати, чтобы догнать ее, но у него свело ногу, и он с грохотом рухнул на пол. Сидя на полу и потирая ушибленную голову, он поднял взгляд и увидел перед собой Сюань Ли. Глаза Сюань Ли были пугающе темными, но через секунду вновь стали спокойными. Не говоря ни слова, он помог Жун Юэ сесть на кровать. Жун Юэ, перепуганный его взглядом, застыл и боялся даже пошевелиться.

— Ты... слышал? — спустя долгое время спросил Жун Юэ, нарушая тишину.

— Да, — коротко ответил Сюань Ли, его лицо было холодным, как ледяная статуя.

— Я... я... я... — Жун Юэ заикался, не в силах вымолвить ни слова. Перед Сюань Ли он не мог признаться в том, почему отверг Сюань Лин. Он чувствовал вину перед сестрой и не мог признаться себе в чувствах к брату. За двести лет совместной жизни многое изменилось.

— Любовь — дело взаимное, не извиняйся. Лин-эр рано или поздно все поймет. Она не ребенок, да и ты тоже, — Сюань Ли не винил его, сказав то, чего Жун Юэ от него никогда бы не ожидал. Сюань Ли и сам удивился своим словам, хотя внешне оставался невозмутим.

Жун Юэ сглотнул, пытаясь успокоиться:

— Непривычно слышать от тебя такое. Ты ведь брат Лин-эр, ты должен защищать ее. Можешь хоть обругать меня — я чувствую вину. И... спасибо, что спас меня сегодня.

Он опустил голову, прикрыв глаза. Сердце сжимала тоска — он не мог принять такое спокойное прощение. Если бы Сюань Ли злился, ему было бы легче.

Сюань Ли хмыкнул, протянул руку и слегка ущипнул Жун Юэ за щеку. Тот вздрогнул.

— Не ходи с таким видом, словно в тебя вселился водяной призрак. Может, ты в воде подцепил нечисть? Давай я тебя ущипну, помогу выгнать призрака, а?

От этого прикосновения и слов Сюань Ли Жун Юэ вдруг рассмеялся. Его сердце переполнилось сладостью. Сюань Ли отпустил его, и Жун Юэ, потирая щеку, проговорил:

— У тебя своеобразный способ утешать, но мне нравится. Стало легче. Почему ты утешаешь меня? Тебе следовало бы утешить Лин-эр.

Сюань Ли ответил:

— Кто-то попросил меня быть к тебе добрее, а ты еще и отталкиваешь?

— Я и не думал отталкивать! Хе-хе, у меня на душе сейчас так светло, будто цветы расцвели, — улыбнулся Жун Юэ, окончательно придя в себя.

Сюань Ли:

— Тогда иди и утешь Лин-эр. Ты — причина, а кто завязал узел, тот должен его распутать. Поговори с ней.

<http://bllate.org/book/21161/2144540>